

* АБДУЛЛА КАЛЫРИ • ФИТРАТ • МАХКАМ

ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

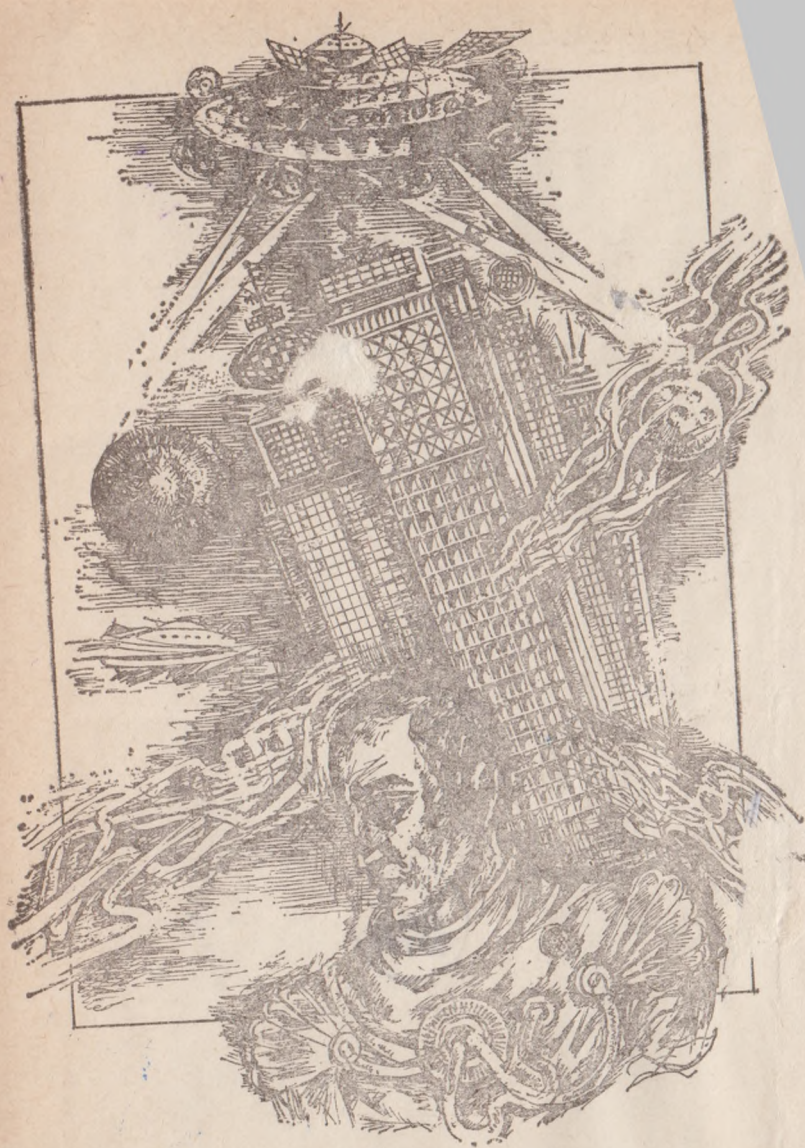

* НИКОЛАЙ ГАМУГАЕВ • ВАЛЕРИЙ НЕЧИПОРЕНКО • АБДУХАКИМ ФАЗЫЛОВ • ХОДЖИАКБАР ШАЙХОВ • ЗОЯ ТУМАНОВА *

МАХМУДОВ • ТАХИР МАЛИК • ЭДУАРД МАЦИПУТО • ВИЛЬЯМ АЛЕКСАНДРОВ

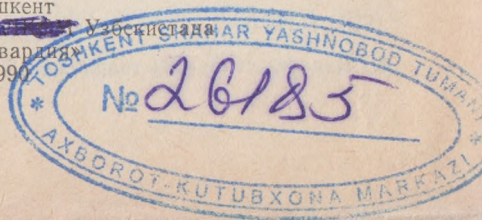
821-512 133
П 61

ФАНТАСТИКА. УЗБЕКИСТАНА

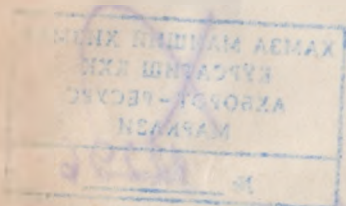
ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Составитель В. НОВОПРУДСКИЙ

Ташкент
Издательство ~~Узбекистана~~ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1990

150452

п 4702620200—28
356(04)—90 65—90

ISBN 5-633-00452-3

© Издательство «Ёш гвардия», 1990. (Составление, оформление)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Кем был Гоголь — главой «натуральной школы», как учили и недоучили нас в школе, или великим фантастом? А его наследник Булгаков? Или Айтматов со своими актуальными прорывами из настоящего в будущее?..

В последнем издании БСЭ отмечено, что «фантастика эволюционирует вместе с развитием литературы, свободно сочетаясь с различными методами (в т. ч. реалистическим) изображения идей, страстей и событий. Особенно плодотворным, однако, оказалось сочетание фантастики с романтизмом». Не вдаваясь в туманное различие между методами, хочется лишь напомнить, что фантастика «свободно сочетается» прежде всего с жизненной правдой, как вообще настоящая литература, которая всегда про то, что было, есть и очень хотелось бы, чтоб было (или не было) с человеком или сообществом людей. Отличается фантастика, пожалуй, лишь более открытым и нацеленно поисковым характером своих устремлений. Для того и «изобретает» он необычные «приборы»: сюжеты, формы, образы, чтобы лучше, скорее открыть то, что лишь реально нарождается, брезжит. И открывает — все реже в технике, все чаще — в душе и вокруг нее.

Вот почему сборник начинают — не по алфавиту, даже не по хронологии, а по праву таланта, судьбы и силе предвидения — два имени, которые, казалось бы, так непривычно видеть в ряду писателей-фантастов. Но, следуя той же природе фантастики, отрешимся от привычного во имя истинного. Два маленьких рассказа Абдуллы Кадыри и Фитрата как бы сразу вводят нас в курс дела. Пересекаясь в чем-то с гоголевским «Заколдованном местом» (само это пересечение — свидетельство огромного богатства народного сознания, воображения), Кадыри в блистательной концовке занимательной истории смеется над грубо рациональной потугой учителя прямо «в следующую пятницу» досконально «объяснить» все это богатство. И одновременно писатель приглашает нас без предубеждений окунуться в этот неисчерпаемый мир...

Другой замечательный мастер Фитрат ясно обозначает основу любого искусства, да и самого нашего существования — любовь к людям, негромко, вежливо приглашая богов земных и небесных жить с людьми одной жизнью и вместе творить добро. Оба эти художника стали жертвой сталинизма (помимо прочего, запрещавшей не управляемую из бюрократического кабинета мысль, мечту) именно в силу независимости ума и таланта. Через них, от народной легенды, сказки, классического дастана, с их неистребимыми никаким тиранством гуманизмом и здравым смыслом, — тянется живая нить к современной нашей фантастике.

Да, пожалуй, основная цель писателя-фантаста — предвиденье.

Но дается оно не одним профессиональным умением «выдумщика», а прежде всего гражданской смелостью заглянуть туда, куда «нельзя» или «рано»... А не заглянешь, будет поздно. Вот почему предвиденье очень часто еще и предостережение.

Это, к примеру, продиктовало автору фантастико-приключенческого рассказа «Красный след» резкое и справедливое неприятие бесцеремонного, слепого вмешательства в мир своеобразного национального бытия, как и в мир природы. Это родило в повести «Экспресс «Надежда» — тоску, но и веру и надежду на то, что вернутся к нам сильные, цельные герои, которые так необходимы сегодня в борьбе за здоровую экологию мира вне и внутри нас. И ведь оба произведения созданы до того, как обострились все эти проблемы!..

То же самое можно сказать и о сатирико-философской дьяволяде «Уникального подпространства», где серьезное и причудливое, печальное и отвратительное переплелись в нашей жизни, а национальное мифотворчество, традиции гуманистических фантазмагорий великих мыслителей и художников прошлого (скажем, Навои и Рабле) свободно сочетаются с традицией булгаковской. И неудивительно: они все из того же единого источника веры в человека, что присуща всем народам и всем культурам.

Обратим внимание на такой феномен современной фантастики: если раньше в своих межгалактических одиссеях она в основном подчеркивала диковинность, различия, неконтактность цивилизаций и теряла глубину содержания, то теперь все чаще — наряду с особенной, единство проблем и стремлений. Что ж, новое мышление не обошло фантастику стороной, более того, она, несомненно, тоже ему содействовала...

Словом, является ли нам фантастическое в космических, исторических или современных одеждах (как в повести «Послы Млечного пути»), или в облике психологического детектива (как в повести «Глаза»), фантастика всегда приходит к нам вовремя — как желанный гость, друг, толковый собеседник. Не случайно, с ростом нашей активности, она пользуется растущим читательским спросом. А это повышает спрос и с нее — за масштабность, раскованность мысли и мастерство образного слова. Думается, включенные в эту книгу такому спросу отвечает.

Абдулла КАДЫРИ

ПИР ЗЛЫХ ДУХОВ

Когда папа начинает рассказывать об этом, я каждый раз пугаюсь и думаю: «Господи, не ввергни меня в такую беду». Вчера к нам в гости приехала тетя. Вечером, после ужина за чаем они рассказывали разные истории. Зашел разговор о чертях, райских пери и дивах. И папа опять не удержался и рассказал о пире злых духов. Всякий раз, когда папа начинает рассказывать эту историю, меня охватывает ужас, и сейчас я забрался в постель и укутался одеялом. Папа посмотрел на меня и улыбнулся.

— Я только что женился, был занят домом, хозяйством и своевременно не приготовил шесты для виноградных шпалер, — начал он. — Как-то я заглянул в сад и увидел, что виноградные ветки разрослись и нужно было ставить подпорки. А тут еще пошел дождь и виноградные лозы словно его только и ждали — буйно потянулись вверх. Я решил в тот же день добыть шесты. Если я завтра не поставлю шесты и не сниму слой земли с закопанных корней, то урожай мне не видать.

Оказалось, что я мало приготовил ивовых прутьев для подвязки подпорок, а к полудню их уже не будет на базаре. Да и сад наш далеко от дома — пока пойдешь на базар да обратно, уйдет уйма времени. Что делать? Я нарезал прутьев от ивовых деревьев и тополя. Взял их и пошел в виноградник. Там я провозился до вечера, но сделал все как полагается. В соседних садах не осталось уже ни одного человека, и на улице был слышен лишь цокот кузнечиков да кваканье лягушек. Когда я вышел из сада, время приближалось к последней вечерней молитве. Пустился я в дорогу уже в полной темноте. А вы знаете, что за нашим садом заросли кустарника. Мне нужно было пройти через них и выйти на большую дорогу. Заросли были темными и жуткими, но я спокойно шел в темноте, только идти было трудно: я то и дело спотыкался.

До большой дороги осталось пройти лишь рощицу Хамдама-гончара.

На этом месте рассказа я плотнее завернулся в одеяло.

Папа продолжал:

— Прошел я шага два по рощице, вижу — свет. Я оглянулся. Свет лился с площади. Я услышал говор, смех, звуки чилдирмы, дутара, тамбура. И застыл на месте. Действительно, здесь в эту пору бывают лишь совы, и меня удивил смех и говор. Я ведь утром проходил здесь

и, если бы готовились к пиру, я не мог бы не заметить этого.

«Наверное, молодежь собралась»,— подумал я. Я решил обойти стороной площадь и воспользовался проломом в дувале. Место пира было освещено, как днем. Лампы висят на деревьях, на земле разостланы шелковые ковры. В стороне стоят огромные белые самовары и большие котлы, в которых что-то трещит и кипит. В центре сидят люди, много людей — молодые и старые, а вокруг музыканты играют на дутарах, чилдирме, нагаре. Не успел я оглянуться, как ко мне подбежал какой-то человек и закричал, обращаясь к гостям:

— Смотрите, Усар-ака пришел!

Все повернулись в мою сторону. Послышались голоса:

— Проходите, добро пожаловать, Усар-ака, закончили с шестами?

Я сейчас уже не помню, что я им отвечал, так как был очень удивлен.

Хотя я и упирался, меня потащили на почетное место. Обычно, когда приходишь на празднество и усаживаешься за стол, читаешь короткую молитву. Но мне было задано столько вопросов, что я забыл прочитать ее. Когда немного пришел в себя, я оглядел присутствующих. Мне показалось, что многих из них я встречал прежде. И в то же время я видел, что это совершенно чужие люди. Но они обращались со мной как со старым знакомым, называли меня по имени, спрашивали о делах — и все это меня поражало.

Какой-то человек, по-видимому, распорядитель пира, сказал:

— Пусть Усар-ака угощается.

Но кто-то возразил:

— Давайте сначала насладимся музыкой и танцами, а закусывать будем все вместе.— Он повернулся ко мне и продолжал: — Вы, наверное, с удовольствием послушаете музыку.

Я был голоден, но здесь я был гостем и не посмел возражать.

Музыканты настроили инструменты и начали протяжную грустную мелодию. Это была волшебная мелодия. Сердце мое больно сжалось, я заплакал. Почему я плакал, я и сам не мог бы объяснить.

Наконец музыка замолкла. Я почувствовал себя усталым как никогда. И не мог пошевелиться. Люди вокруг

хитро поглядывали на меня, многие улыбались. Мне стало неловко.

Музыканты приготовились играть новую мелодию. Сердце у меня забилося, и я понял, что больше не выдержу. Но с первыми звуками почувствовал, как кровь горячо побежала по жилам. Мне стало вдруг легко и весело. Мелодия была радостной, я не знал ее названия. В круг впорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати с кудрявыми волосами, круглым личиком. На ней была одежда из зеленого бархата. Она сделала несколько легких шагов, и на ногах у нее зазвенели колокольчики.

Лилась музыка, и под нежную мелодию девушка начала танец. Мне вдруг стало необыкновенно радостно. Казалось, что горы улыбаются, звезды светят ярче, листья на деревьях дрожат. И тут я почувствовал, что против воли поднимаюсь, словно меня толкает какая-то сила. Я приблизился к девушке и начал танцевать с нею.

Мама и тетя громко засмеялись. Я же вдруг ясно увидел отца, пляшущего с девушкой.

— Я начал танцевать,— продолжал папа,— танцую и все гляжу на плясунью.

Девушка, видно, устала и отошла в сторонку, а я все продолжаю танцевать и не могу остановиться. Люди вокруг хлопают в ладоши, кричат, подсмеиваются надо мной, корчат рожи, а я, не обращая ни на кого внимания, танцую.

И вдруг я споткнулся и упал. Через некоторое время я поднялся, широко раскрыл глаза и поглядел вокруг: ни людей, ни музыкантов — никого. Черная площадь, а я стою в арыке.

* * *

Эту папину историю я рассказал своему учителю. Он посмеялся.

— Все это выдумки, фантазия.

— Неужели выдумки? — спросил я, и учитель сказал, что в следующую пятницу он будет рассказывать ребятам о том, как возникает фантазия.

— Приходи,— сказал учитель,— ты все узнаешь.

Я обязательно пойду в пятницу в школу, послушаю. Если у вас есть время, приходите тоже.

ФИТРАТ

ВОЗНЕСЕНИЕ НА НЕБО

— Посидите здесь, пока не вспотеете,— сказал массажист, указывая на узкую скамейку.

Я сел. Тусклый свет просачивался сквозь мутное оконце бани. Я поднял голову и огляделся. Вокруг сидели, стояли и лежали люди, в густом пару напоминавшие неподвижные статуи.

По грязной мыльной воде, шлепая босыми ногами, шел другой массажист. Он вел высокого длиннорядого человека.

«Шейх или мулла»,— решил я. Белая борода показалась мне знакомой.

Массажист усадил и его, произнеся те же слова:

— Вот, господин, посидите здесь, пока хорошенько не вспотеете.

— Я не могу долго сидеть,— возразил бородатый.— Сегодня пятница, скоро молитва, боюсь, мусульмане ждутся.

— Тогда я вам сейчас сделаю массаж.

Моя догадка подтвердилась. Это хатиб — проповедник в мечети, там я и видел его.

Массажист пошел за передником. А хатиб посмотрел на меня и затем перевел взгляд на мутное окошко. «Ох, ух, господь справедливый!» — выкрикнул он. Голос его гулко отдался под куполом бани.

Массажист расстелил передник как молитвенный коврик и позвал:

— Пожалуйте, господин.

Проповедник смиренно лег лицом вниз. Второй передник массажист свернул в трубку и положил под лоб господина. Сам же сел на него и начал мять.

Явился и мой массажист, уложил меня и тоже принялся за дело. В бане было жарко, массаж расслабил меня, и глаза стали слипаться.

Я слышал словно издали голос хатиба:

— Когда блаженнейший и всемогущий пророк вознесся на небо...

Я сижу в хижине. В окно видны лишь два финиковых дерева во дворе. Старуха, лицом похожая на арабку, что-то шьет в углу, рядом спит невысокий чернородый араб.

В дверь втискивается огромное чудовище. Голова человека, тело покрыто белыми гусиными перьями, и два больших крыла торчат по сторонам. Как он протиснулся в дверь? Я пожалел, что упустил этот момент.

Чудовище обратилось к спящему арабу:

— Эй, Мухаммед, не спи!

Араб открыл ничего не понимающие глаза и быстро встал.

— А, брат Азраил! Какие новости?

Я догадался. Значит, араб — Мухаммед-пророк, а чудовище не кто иной, как сам Азраил. Мне стало не по себе.

А что если я спрячусь и узнаю, что будет дальше?

Недолго думая, я тихонько забрался под крыло Азраила и устроился там.

— Вставай, Мухаммед, господь бог призывает тебя. Я привел скакуна. Вмиг домчимся.

Пророк поднялся и выбежал во двор, даже не умыв лица. А Азраил со мною под крылом степенно вышел вслед.

У двери действительно стоял невиданный скакун с человеческой головой, изумрудными ногами и жемчужными крыльями. Пророк оседлал его, Азраил встал в поводу, и мы... помчались.

Если я скажу, что летели мы, как ветер, это не будет ложью.

Вскоре показался незнакомый мне город.

— Что это за город, о Азраил? — спросил пророк.

— Это священный город, — ответил Азраил. — Здесь есть мечеть, от которой прямо в небо тянется длинная-преддлинная лестница. Конец ее — у самого небесного порога.

Наш скакун разбежался, вспрыгнул на лестницу и помчался. А Азраил все бежал у поводка, потя и кряхтя. И домчались мы до первого неба, сделанного из железа. Азраил постучал в ворота. Раздался голос:

— Кто там?

— Я, — ответил Азраил, и ворота открылись.

Но пророка не узнали и не захотели впускать. После короткого препирательства Азраила с привратником Мухаммед был узнан, и привратник с поклоном разрешил нам войти.

Пророк стегнул скакуна.

Промчались мы сквозь второе и третье небо. Между третьим и четвертым произошла небольшая заминка. Мы встретили стадо верблюдов. Их было так много, что они едва помещались здесь. Любопытный пророк спросил у Азраила:

— Брат Азраил, что это за верблюды?

— Со дня сотворения мира, — изрек Азраил, — эти

верблюды бродят здесь день и ночь и, по слухам, будут бродить до самого светопреставления. Откуда они взялись и куда идут, пожалуй, никто не знает.

— А что это у них в мешках на спине?

— Арбузы.

— Всемогуший бог, какие чудесные арбузы! Нельзя ли попробовать? Пить хочется.

Азраил кинулся вперед, остановил верблюда и схватил арбуз. Мы придержали скакуна, и пророк спешился. Он достал нож, разрезал арбуз. И вдруг нож выпал из рук пророка. Полез пророк за ножом. Не оставаться же Азраилу. Он сложил крылья и полез за пророком. Меня так зажало крыльями, что затрещали кости и я потерял сознание.

Очнулся я уже внутри арбуза. А там — семьдесят пять тысяч городов и в каждом городе семьдесят пять тысяч домов, а в домах — семьдесят пять тысяч дверей.

Бродили мы в арбузе семьдесят пять лет и чего только не насмотрелись. Век не забуду!

Наконец выбрались. Скакун ждет. Пророк лихо вскочил в седло, и мы тронулись в путь. На четвертом небе нам встретился огромный петух. Гребешок — в семь раз выше неба, голова — рубиновая, тело — жемчужное. Красавец!

Азраил объяснил, что это петух самого господа бога. Все петухи на земле подчинены этому главному петуху. Без его знака не смеет запеть ни один петух. Поехали дальше. Достигли мы наконец седьмого неба — владений господа. Вошли, и пророк, не мешкая, направился в господни покои.

«Буду сидеть тихо, как мышь, — подумал я. — Не каждый день выпадает такая удача — увидеть самого господа бога».

Азраил последовал за пророком. Мы прошли много дверей и заслонов. Привратники каждый раз поднимали тысячу занавесей и почтительно пропускали нас.

Вошли мы к господу богу... Добро пожаловать!

Подали молочную рисовую кашу. Во время еды завязался разговор.

Очень любезен был господь с пророком.

— О Мухаммед, — сказал он ласково, — не надо ли помочь тебе чем-нибудь? Скажи.

— Зачем призвал меня в полночь? — спросил пророк.

— Желал изъяснить свою милость.

— Зачем держал в арбузе столько лет?

— Желал показать могущество.

— Какое из твоих созданий тебе дороже всего?

— Люди.

— Какую еду предпочитаешь?

— Молочную рисовую кашу.

И тут я не выдержал.

— Господи,— сказал я,— зачем же ты живешь за тысячью заслонов? Выйди на свежий воздух, живи среди любимых тобою людей, оказывай милости, ешь молочную кашу.

Мой голос всполошил присутствующих. Господь гневно закричал на Азраила:

— Кого ты притащил? Отряхнись, мерзавец!

Азраил встряхнул крыльями, и я выпал. Тогда Азраил со всего размаху треснул меня по спине. Я открыл глаза и услышал глухой голос:

— Не спите в бане, разомлеете.

Я вскочил и облился холодной водой.

Хатиб со своим массажистом продолжали тихую беседу.

Вильям АЛЕКСАНДРОВ

ПЛАНЕТА МИФ

ТРИПТИХ

Домой я вернулся поздно. Заседание юбилейной комиссии по проводам двадцать второго века затянулось. Никто и не предполагал, что возникнет столько вопросов, связанных с нашим Университетом, — я уж не рад был, что попал в число почетных выпускников. На меня взвалили доклад о проекте Всемирного кибернетического центра, доказывать, что на мне висят еще две несданных рукописи, было бесполезно — на каждом что-то висело, и каждый должен был что-то делать...

Разъезжались мы безмерно усталые, и все-таки настроение у всех было приподнятое. Пусть пока еще многое было неясно, далеко не все учтено и осмыслено — общая картина идущего к своему завершению века начинала вырисовываться перед нами во всей своей грандиозности.

Дежурный автолет доставил меня к моей сто двадцать седьмой башне за три с половиной минуты, а скоростной лифт перенес с третьего — транспортного — на второй, жилой, ярус города еще быстрее — минуты за две. Еще минута в горизонтальном лифте, и я входил в свою квартиру, входил и слышал, как торопливо, словно жалуясь, защелкали электронные реле: включались душевая, гостиная, информатор и кухня — там уже давно был готов заказанный мой ужин.

Информатор только стал мне рассказывать, кто звонил и по какому поводу, как тут же вспыхнула вогнутая стена-экран в гостиной, и я увидел на ней человека, которого любил, боготворил и которого уже потерял надежду увидеть.

— Аллан! — кинулся я к стене. — Наконец-то! Как я рад!

Я протянул руки, он протянул свои, и, хотя я натолкнулся на холодный, безжизненный пластик, создающий иллюзию глубинного изображения, мне показалось — мы все-таки почувствовали друг друга.

— Где вы сейчас, Аллан?

— Дома, — сказал он и повернул регулятор. Изображение отодвинулось, я увидел комнату, его знаменитую, описанную в тысячах репортажей комнату, тахту, застеленную пятнистой шкурой, и его самого — он сидел на краю тахты, закинув ногу на ногу, в своем черном глухом свитере и мрачно рассматривал что-то на ладони. — ~~пер~~ перь убедились? — спросил он.

Я увидел Юну, его жену, она сидела в другом углу тахты, поджав под себя ноги. Она заметила меня, слабо улыбнулась, помахала рукой.

— Убедился,— сказал я.— Господи, даже не верится. Вот если б не Юна, ни за что не поверил, решил бы, что вы морочите меня, как в прошлый раз, находитесь где-то в созвездии Лиры или еще дальше, а говорите, что дома.

— На этот раз я действительно дома,— проговорил он как-то странно, я не услышал радости в его голосе.

— Что-то случилось, Аллан? Почему вас так долго не было?

Он шевельнулся, поежился как-то,— впечатление было такое, будто его гибкая, обтянутая черным фигура придавлена невидимой тяжестью. Он словно бы хотел стряхнуть с себя этот груз и не мог.

— Приезжайте, Виктор,— сказал он отрывисто.

— Обязательно! Завтра буду у вас.

— Нет, сейчас! — Он встал, подошел ближе к экрану, и я увидел крупно его лицо — гордое, прекрасное лицо сына Земли двадцать второго века, знаменитого космонавта, поэта, ученого. Оно было прекрасно, это лицо, еще совсем молодое, с абсолютно белыми, седыми волосами. В нем соединилось все лучшее, что могла дать человеку Земля,— мысль, мужество и поэзия...

— Я жду вас сейчас,— сказал он настойчиво.— Берите дежурную ракету. «Молнию» берите... Что хотите!

— Что-то случилось?

— Со мной — ничего. Как видите.— Он прикусил свою трубку.— Приезжайте!

Я хорошо знал своего друга. Если он звал меня среди ночи, значит, он должен рассказать мне что-то совсем уж необычное, с чем столкнулся Там.

— Хорошо, Аллан. Я сейчас.

Экран погас.

Благо, я не успел переодеться в домашнюю одежду — ее мне услужливо протянули руки автомата-гардеробщика.

Тем же путем проехал до башни. Поднялся на самый верх, вышел на площадку.

Дежурные ракеты повисли на пусковых рамах, нацеленные в звездное небо,— три белых, две желтых и одна, небольшая, красная. Звезды горели рядом. В черном бархатном небе они казались тоже созданием рук человеческих, светляками, зажженными вокруг Земли для

красоты, для мечты, для того, чтобы звать людей в неизведанное...

Внизу, где-то в полукилометре под нами, словно отражение звездного неба, застыл на втором ярусе ночной город — такие же светляки, разбросанные на огромном пространстве для удобства людей, живущих и работающих здесь, над землей.

А еще ниже, на самой земле, шумели густые леса, росли сады, цветники, декоративные деревья. Их отсюда не было видно, они только угадывались по слабому, едва слышному шуму и волнам ароматного воздуха, долетающих время от времени до верхнего яруса.

Я вошел в пустынное здание ракетной станции, прошел в комнату дежурных пилотов. Они сидели за столом, играли в шахматы. Их было пятеро — в полной готовности, в комбинезонах, только шлемы лежали рядом.

Четверо играли, а пятый просматривал свежий номер журнала «Поэзия» — я узнал его по обложке.

— Здравствуйте,— сказал я,— извините за беспокойство, но мне надо срочно вылететь в Крым.

— Что-то случилось? — спросил один из них, представляя фигуру.

— Вернулся мой друг из космоса. Он ждет меня. Это Аллан.

При имени Аллана все четверо обернулись ко мне и взялись за шлемы, а тот, который просматривал журнал, отложил его и встал.

— Оставляйтесь, ребята,— сказал он тоном старшего.— Я сам поведу «Молнию».

Он подошел к программному пульта, нажал несколько клавиш. Машина тут же выдала перфокарту полета, с учетом погоды на всем пути, времени суток, а также всех трасс, действующих в данный момент.

Он посмотрел на экран.

— Лучше описать дугу вокруг шарика, чтобы зайти с Запада. Не возражаете?

— Как вам будет удобней. Время намного увеличится?

— Минут на двадцать.

— Ничего, давайте.

Он надел шлем, подключил наушники. Мы пошли к выходу, и тут ко мне подошли все четверо. Каждый протягивал фотографию Аллана, вырезанную из какого-нибудь журнала. Он был тут и во всем космическом облучении перед стартом, и на пляже — обнаженный, за-

горелый, сверкающий радостной улыбкой — в буйной морской пене, и склонившийся над приборами в Главном Космическом Центре, и на трибуне какого-то всемирного форума... Где они только выкопали в одно мгновение эти фотографии — ума не приложу, скорей всего таскали их с собой все время.

— Попросите его, если можно, — проговорил один из них, — автограф...

Я пообещал, собрал фотографии, сунул их во внутренний карман. Затем пожал каждому из них на прощанье руку, и они, видно, остались очень довольны: через меня они как бы приобщились к нему.

Это была маленькая аварийная ракета, рассчитанная на троих-четверых, не больше. Мой пилот заложил перфокарту, включил обрабатывающее устройство и, пока оно выдавало сигналы на пульт, задраил люк.

— Ремни пристегнули? — спросил он меня, не оглядываясь.

— Пристегнул.

— Хорошо. Перевожу в горизонтальное положение.

Кресло подо мной стало выпрямляться, превращаясь в лежанку, и в то же время я почувствовал легкую вибрацию, сознание затуманилось, наступил сон. А когда проснулся, увидел на экране проплывающие под нами очертания континентов.

— Проходим Камчатку... — услышал я голос пилота. — Идем над Тихим океаном.

Некоторое время он молчал. Потом сказал со вздохом:

— Вот так мы работаем — космические извозчики... Возим по ночам по всяким экстренным вызовам.

— И часто приходится вылетать за ночь?

— Когда как... Вы сегодня третий. Одного я в Антарктику возил, у него там жена в экспедиции. Другой — старичок, физиолог, помчался на ночь глядя на Борнео, там сложная операция по его методу...

— Ну что ж, я считаю, у вас благородная миссия.

— Благородная, конечно... Да разве ж это работа для космонавта?! Давно уже пора перейти на беспилотные перелеты — дискуссию в «Литературной газете» читали? Садитесь, нажимаете кнопку и выходите в точно назначенном пункте. Ведь моя роль сейчас к чему, собственно, сводится? Вот, развлекаю вас — и только... А так ведь все автоматы делают.

— А в дальнем космосе?

— Что вы! Совсем другое дело! Там — творчество, решение неожиданных задач... То, что делает ваш друг Аллан, это достойно преклонения!

— Ничего,— утешил я его.— И у вас будут свои галактики.

— Прошли Америку,— сказал он,— идем над Атлантическим...

Вскоре мы пересекли южную часть Европы и вышли к Черному морю точно на широте Ялты. Началось торможение, ракета переходила на режим воздухоплавания, затем мягко причалила к мачте Ялтинской станции.

— Ну вот,— сказал пилот с грустной улыбкой,— путешествие окончено. Про автограф не забудьте, пожалуйста.

— Не сомневайтесь! — Я похлопал себя по карману.— Доставлю на обратном пути. Вас зовут Александр? Он просиял.

Мы попрощались, я вышел на площадку, спустился на второй ярус, проехал немного по горизонту и минут десять спустя входил в прозрачную спиральную галерею аллановского дома, нависшую прямо над морем.

Меня встретила Юна. Она была в таком же, как он, темном облегающем костюме, и это еще больше подчеркивало скульптурную отточенность ее лица, грацию каждого движения.

Она взяла меня за руку.

— Простите, Виктор... Но он места себе не находит. Вы же знаете...

— Все правильно,— сказал я.— Пойдемте.

Мы пошли по галерее, по мягкому полупрозрачному ковру: сквозь него, прямо под собой, я видел кромку берега, ночной порт и какой-то сверкающий огнями, видимо, прогулочный корабль, который выходил в открытое море. Мы обогнули галерею, вступили на площадку, и тут же раздвинулись створки стены, пропуская в комнату.

Аллан встал мне навстречу.

Мы обнялись.

— Садитесь, Виктор,— он показал глазами на свое рабочее место справа от экрана.— Садитесь... А я ходить буду.

Я сел за наклонное бюро с набором клавиш. Когда он возвращался, он всегда усаживал меня здесь, и на время я как бы превращался в пилота его корабля, а он

имел возможность посмотреть на все, что было, со стороны. Это, видимо, помогало ему.

— Вы знаете, куда я уходил?

— Да, знаю,— сказал я.— Вы летали в созвездие Лиры.

Он поморщился. Понятие «летать» он считал чисто земным, воздушным. Он считал, что при помощи космического аппарата человек сдвигается во времени, уходит в дальние временные сферы и тем самым перемещается в пространстве.

— А зачем я уходил к Лире, вы знаете?

— Знаю, вы искали эту странную блуждающую планету, которая все время меняла свою орбиту.

— Это верно как факт. А почему она меня интересовала, вы знаете?

— Я полагал, что с точки зрения науки важно понять, почему она меняет орбиту. Разве не так?

— Так... Так...

Он ходил по своему прозрачному ковру, отмеривал одинаковое число шагов туда и обратно, потом ему, видно, надоело, он вышел за пределы комнаты, пошел по галерее. Я хорошо видел его стройную темную фигуру, пересекающую световой коридор. Он погасил большой свет в галерее, за стеклянными стенами обозначилось звездное небо, оно надвинулось, приблизилось вплотную, и впечатление было такое, будто темная фигура Аллана движется сейчас прямо по звездам.

Он быстро шел по галерее, что-то высматривал в небе, а голос его я слышал здесь, рядом с собой, у пульта.

— Все это так, Виктор. Для всех я ушел, чтобы понять, почему она блуждает. Но был один человек в мире, который знал кое-что еще, которого интересовала не столько физическая, сколько человеческая проблема.

— Человеческая? Там, на этой планете?

— Да, был человек, которого волновала судьба людей. Этот человек был я.

— Ничего не понимаю. Погодите...

— Сейчас поймете. Вы видите, во-он там, слева от Веги, видны крайние звезды Лиры... Они видны не часто, лишь в такие вот ночи. Видите?

Он протянул руку, и я увидел над морем несколько слабых звездочек. Они то появлялись, то исчезали, затуманенные расстоянием.

— Так вот,— продолжал Аллан,— в одну из таких

ночей мы стояли вот здесь, вместе с Юпой, и она сказала... Ты помнишь, Юна, что ты сказала тогда?

— Помню. Я сказала, что нашла любопытный документ в Космической библиотеке.

— Совершенно верно. Все началось с Космической библиотеки, с этого документа.

Аллан вынул несколько листов, показал нам.

— Это фотокопии. В одной из книг о полетах двухвековой давности оказались вот эти листки, своеобразный манифест группы американских ученых. Из него явствовало, что группа, именовавшая себя «кибернистами», разочаровавшись в возможностях корпорационного государства и в то же время отвергая путь социалистического переустройства общества, выдвинула идею создания совершенного кибернетического устройства, которое, по их мнению, только и могло решить проблему создания идеального общества.

Какие бы законы люди ни придумывали, заявляли кибернисты, какие бы правила взаимоотношений они ни устанавливали, контролировать и регулировать точное соблюдение этих правил они сами не в состоянии. Это, по мнению кибернистов, могло сделать лишь идеальное программное устройство с обратной связью, которое, в отличие от бездушной машины корпорационного государства, сможет обеспечить расцвет гуманного общества. Такое устройство они разработали и решили проверить правильность своей идеи «в чистом виде», то есть на новой планете.

Они снарядили целый ракетный комплекс «Ли́ра», собрали несколько сот единомышленников и стартовали из района Флориды к созвездию Ли́ры, где к тому времени была найдена планета, сходная по условиям с Землей.

Аллан замолчал. Он по-прежнему стоял в том самом месте галереи, стоял к нам спиной, лицом к той, едва различимой точке звездного неба, и я чувствовал, как напряжены его плечи, словно он держал на себе какую-то тяжесть.

— Это было более двухсот лет назад! — сказал я. — И с тех пор ничего не было о них известно?

— Было. Спустя несколько лет промелькнуло сообщение, что из созвездия Ли́ры поступают радиосигналы. Мне пришлось перерыть горы газет, прежде чем я обнаружил кое-какие упоминания о содержании этих сигналов. Просто поразительно, до чего же коротка оказалась

память людей. Когда пришли эти сигналы, долго вспоминали и гадали, пока наконец сообразили, что это экспедиция кибернистов дает о себе знать. Правда, возможно еще и другое объяснение: в связи с тем, что человечество в то время было занято активными социальными преобразованиями общества, к экспедиции кибернистов никто всерьез не относился, да и не до них было. Тем не менее, из нескольких туманных сообщений можно было понять, что по сведениям, поступившим с Лиры, экспедиция увенчалась успехом, и что они якобы зовут землян последовать их примеру.

— Кто-нибудь последовал? — спросила Юна.

— Да. Лет пять спустя туда вылетел еще один комплекс, теперь уже из района Австралии, — несколько тысяч человек. И снова через несколько лет поступили сигналы, из которых можно было понять, что общество их существует и управляется оно совершенной кибернетической машиной. Кончалось сообщение словами: «Да здравствует Машина!»

— Значит, и эти долетели? — спросил я.

— Видимо, так, — сказал Аллан. — К Лире пробудился интерес, одно время о ней писали в прозе и в стихах, кое-кто пародировал, кое-кто высказывал фантастические предположения... Родилось даже такое бюро «Земля — Лира», которое собиралось заниматься переброской туда желающих, но таковых больше не оказалось, да и сообщений больше не поступало. На все запросы с Земли Лира молчала, и постепенно о ней стали забывать. К середине нашего века забыли уже настолько прочно, что когда обнаружилась блуждающая планета, никто не связывал это с Лирой. И я бы, пожалуй, не вспомнил, если бы Юна не натолкнулась тогда в Космической библиотеке...

Аллан уже вернулся из галереи. Он сел на тахту рядом с Юной, она прислонилась к нему плечом. Он не шевельнулся.

— Скажите, Аллан, а почему вы связали в то время эти два факта — манифест кибернистов и блуждающую планету?

— Законный вопрос. Если бы меня спросили тогда, я вряд ли мог бы ответить. Теперь я, пожалуй, знаю, отчего возникла в моем сознании эта связь, а тогда... Казалось, просто интуиция. Я стал изучать все, что было известно о блуждающей планете. Известно было немного: она постепенно меняла свою орбиту, вытягивала ее,

и, таким образом, в поле ее притяжения попали другие планеты системы «Лира», стали ее спутниками. Вот и все, что было известно. Официально я возглавил экспедицию, чтобы разобраться с этим, но уже тогда я подозревал кое-что другое...

Он встал, опять прошелся по кабинету.

— Включите запись,— сказал он мне.

Я нажал клавишу. На экране вспыхнул большой оранжевый диск.

— Дайте увеличение,— попросил он.

Я стал поворачивать ручку, диск приближался, заполнил весь экран, и вот стали различимы на нем отдельные пятна, соединенные тонкими нитями.

— Вот это увидели мы, когда подходили к планете,— сказал он.— Казалось бы, все нормально, это был типичный пейзаж обжитой, заселенной планеты, и в то же время чем ближе подходили мы к ней, тем больше нарастало беспокойство. Тревожное, щемящее чувство возникало, когда я стоял у экрана, видел эти огромные, прекрасно спланированные города, какие-то колоссальные промышленные сооружения, великолепные магистрали — и не мог понять, почему она молчит, почему не отзывается, почему ни один радиосигнал не прорывается оттуда. Кто-то из наших высказал предположение, что какой-то непроницаемый для радиосигналов слой закрыл планету. Но, во-первых, радиосигналы раньше поступали; во-вторых, можно было вывести искусственные спутники поверх этого слоя; в-третьих, наша радиолокация показала, что сигналы свободно проходят, отражаются от поверхности планеты и беспрепятственно приходят обратно. Следовательно, что-то там произошло. Но — что?

Мы уже легли на эллиптическую орбиту, подходили в перигелии совсем близко к планете, и тогда на наших экранах можно было различить многоэтажные сооружения, судя по всему, жилые массивы, промышленные комплексы, расположенные отдельно. Но... ни одного живого признака, подтверждающего присутствие человека.

Перешли на круговую орбиту, стали выбирать место для посадки. Зонды, запущенные нами раньше, показали, что атмосфера планеты близка к земной, радиация — в пределах нормы, температура — 25-30 градусов.

Мы выбрали большую площадь, судя по всему, отве-

денную когда-то для посевов, а сейчас покрытую ровной желтоватой растительностью.

Корабль посадили благополучно и несколько часов ждали, думали, увидим какие-то признаки жизни, людей — ведь посадка космического корабля не может пройти незамеченной. Ничего...

Только ветер раскачивал высокую желтоватую траву вокруг нас, да какие-то черные птицы пролетали в отдалении, гортанно вскрикивая.

Так мы провели в корабле ночь, стояли возле иллюминаторов, глядели в багрово-фиолетовое небо, по которому плыли одна за другой оранжевые луны, стянутые с других орбит, и нам казалось, что это чьи-то воспаленные, предостерегающие глаза следят за нами с неба...

А под утро, часа за два до рассвета, произошел необычайной силы волновой разряд. Это был очень короткий, мгновенный импульс, но сила его была колоссальной. Наши приборы показали, что если бы не обшивка корабля...

Но все это без малейшего звука, без движения... Все было так же тихо, спокойно. Так же покачивалась под ветром желтая трава и оранжевые луны плыли по фиолетово-багровому небу.

Потом наступил рассвет. Небо сделалось темно-синим, затем зеленоватым, затем желто-лимонным. Померкли луны. Исчезли птицы. Ушла зловещая напряженность ночи, и все вокруг показалось не таким уж мрачным...

Команда ждала разрешения выйти из корабля, я их понимал — долгие месяцы полета, анабиоз, переход к субсветовым скоростям — все это, конечно, не могло пройти даром, люди устали. Но я удерживал их, ждал новых сюрпризов, вроде того волнового удара.

Однако больше ничего не было. Только на следующую ночь, перед рассветом, повторилось то же самое — короткий мощный разряд — и все.

Я приказал всем надеть защитные шлемы.

Мы вышли на третье утро. Выходили группами, по очереди — одна группа на воздухе, примерно часа полтора, остальные на корабле. Я приказал своему заместителю следить за этим распорядком, а сам с двумя людьми на авиетке вылетел на предварительную разведку.

Под нами шла та же заросшая желтой травой равнина, такая же плоская и такая же колышущаяся под

ветром. Больше ничего... Только в одном месте мы пересекали какую-то желтую полосу.

— Посмотрим поближе,— сказал я пилоту.

Мы вернулись и полетели вдоль этой линии. На высоких опорах из светлого прочного материала шла над землей труба, сантиметров двадцати в диаметре, ярко-желтого цвета. Ясно было, что это линия передачи. Но какая? Что она передавала? Откуда и куда? Мы только отметили по снимку эту линию и полетели дальше.

Примерно через полчаса полета нам встретилась другая такая же труба, побольше диаметром. Шла она под некоторым углом к первой, значит, где-то они должны пересечься...

Вот и все. Больше ничего любопытного не было за время нашего полета, если не считать того, что, подлетая к городу, мы увидели отходящую от него такую же линию, идущую примерно в том же направлении.

Город открылся сразу. Здесь не было пригородов, не было окраин. За огромным бетонным кольцом автостреды начинался многоэтажный, расположенный по типу наших, земных,— в три яруса — город. Нам пришлось подняться выше — к транспортному ярусу, предназначенному для ракет и авиеток.

Мы летели над городом. Внизу, на почве, бушевали буйно разросшиеся деревья. Вверху, на уровне с нами, летали птицы. А во втором, предназначенном для людей, ярусе шла своя удивительная жизнь.

Двигались горизонтальные лифты, открывались и закрывались их двери: в товарные галереи сплошным потоком поступали по конвейерам новые товары, по другим — увозились старые: в домах работали кухни, подавались на столы обеды и ужины, затем убирались со стола: включались и выключались многочисленные реле — обогрева, информации, питания, уборки... Словом, здесь делалось все, что нужно было людям, было предугадано малейшее их желание.

Вот только самих людей не было.

Лишь птицы — эти огромные черные жирные птицы иногда спускались до уровня второго яруса, хватали что-нибудь с конвейера и взмывали ввысь, радуясь своей добычей.

Мы облетели весь город, просмотрели каждую линию, каждую магистраль — всюду одно и то же... Все рабо-

тало, двигалось, закрывалось, открывалось... Людей нигде не было.

— Может, они внизу, — упавшим голосом сказал Андриан, наш пилот. — Может, они сегодня отдыхают?

— Все до одного? До единого?!

И все же мы спустились вниз, полетели над деревьями, над садами, над озерами. Здесь все было великолепно: зелеными волнами колыхались под нами гигантские деревья, сверкали озера, окаймленные песчаными берегами, совершали рейсы прогулочные теплоходы... Мы видели сверху, как они с точностью до минуты подходили к пристани, стояли положенное время, затем отчаливали, делали круг по озеру и подходили к пристани снова... Даже музыка играла на них — мы слышали. И даже флажки выбрасывались в нужный момент, когда эти теплоходы (или самоходы — не знаю, как их назвать) встречались друг с другом. Но все это совершалось само собой, как в игрушечном царстве, где под действием невидимой пружины все движется, все кружится, вертится, прыгает, играет, но все это лишь подобие жизни, лишь ее бездушный отголосок.

И единственное живое во всем этом были черные птицы. Они и здесь появлялись иногда, разрывая тишину гортанным, режущим криком...

Стало жутко. Я видел, как Андриан ведет машину рывками, видел, как вцепился наш астрофизик Гей в поручни возле иллюминатора, как подрагивают его светлые усы...

— Куда же они все делись? — крикнул Андриан. Он хотел добавить еще что-то, но голос его сорвался.

— Поднимайтесь! — приказал я ему. — На сегодня хватит. Возвращаемся на корабль.

Мы летели обратно, опять пересекли желтые трубы, но теперь смотрели на них с жутковатым чувством — черт знает, что они несут в себе, и черт знает вообще, что здесь происходит, на этой странной планете.

Мы уже подлетели к кораблю, когда Гей произнес:

— Если предположить — что-то случилось и они все погибли, то почему нет никаких следов? Где развалины? Где останки? Почему все идет как ни в чем не бывало?

— Музыка играет... — сказал я.

— Да... Музыка. — Он еще больше нахмурился. — Что вы думаете, Аллан?

— Не знаю, подождем Валентина.

Группа под руководством нашего физиолога Вален-

тина должна была вылететь через час после нас в другом направлении.

Мы вернулись на корабль часам к четырем по местному времени, а к пяти прибыл со своей группой Валентин. Они облетели другой такой же город и видели то же самое... Ни одного человека не встретили — ни живого, ни мертвого. На обратном пути они натолкнулись на промышленный комплекс, он весь был в глубине, и только продукция его — какая-то темная паста в банках — непрерывным потоком выдавалась на поверхность и развозилась в разных направлениях точно по графику подъезжающими платформами.

Валентин взял с собой две банки, и одну мы тут же отправили в лабораторию на анализ, хотя нетрудно было догадаться — результат вряд ли что-нибудь прояснит.

Мы собрались в зале. Настроение у всех было мрачное.

Долго молчали, потом словно прорвало, стали наперебой высказывать предположения, куда могли деваться люди. Были рассмотрены самые невероятные варианты, но ни один из них не мог объяснить всего, что мы видели.

— Я хочу знать, куда идут эти трубы. Куда и зачем. Может быть, тогда мы что-то поймем...

Они смотрели на меня с недоумением — при чем тут трубы, когда такое творится.

Принесли результаты анализа: витаминный концентрат высокого качества. Кого собирались кормить этим концентратом? Кто собирался кормить? Уж не смазывают ли им орбиту планеты, чтобы удлинить ее?..

Они продолжали спорить, а я спустился в свою каюту, вызвал наш спутник, который мы оставили на орбите, дал команду на максимальное увеличение объектива.

На экране проходили равнины и взгорья, время от времени проплывали города. Они видны были крупными пятнами, и от каждого отходила тонкая нить. Этих нитей на экране становилось все больше и больше, вскоре они превратились в густую сходящуюся сеть. Я так и думал...

Наконец я увидел то, что ждал,— огромный город, к которому со всех сторон тянулись нити. Он, словно паук, стоял в центре своей паутины, охватывавшей всю планету...

Это был колоссальный город, намного больше тех, что мы видели. Он состоял из концентрических кругов,

а в самом центре было что-то бесформенное, непонятное, похожее на грудку поваленных кубиков — разглядеть подробнее было трудно — сооружение промелькнуло и опять пошли концентрические круги. Теперь я видел другую сторону спрута, и опять — эта густая паутина, расходящаяся по всем направлениям...

На следующий день я дал всем своим людям задания. Они должны были изучить близлежащую местность, уточнить координаты корабля, его положение относительно полюсов и экватора, уточнить наклон оси планеты, ее орбиту, период обращения...

Словом, я надавал им работы, а сам взял малую авиетку и сказал, что хочу совершить прогулку один. Это было не по правилам, но я все-таки командир, мог позволить себе исключение из правил.

Оставил заместителем Гея, обещал держать связь, наметил запасные пункты встречи, установил контрольный срок и вылетел по направлению к Спруту, как я его теперь мысленно называл.

Я летел к городу и видел, как постепенно сходились к нему все желтые нити. Дороги к нему не доходили, транспорт не приближался, но эти нити, как кровеносные сосуды, проходили сквозь все заграждения, сквозь густые высокие сетки, сквозь ряды каких-то сверкающих прутьев, сквозь толстую стену из плотного черного материала, опоясывающую весь город снаружи.

Я хорошо видел эту стену, она была уже почти подомной, когда авиетку качнуло и отбросило в сторону. Она как бы наткнулась на невидимый шарообразный барьер, скользнула по нему и пошла по касательной. Я ожидал чего-то подобного. Если все так тщательно ограждалось снизу, было бы нелепо оставлять все открытым сверху. Здесь, видимо, существовал какой-то магнитносиловой купол, пройти который не так просто.

Я стал облетать вокруг. Теперь я видел вблизи квадратики и прямоугольники, выстроившиеся концентрическими кругами. Это были многоэтажные дома, если можно так назвать колоссальные каменные коробки, состоящие из каких-то ячеек. Каждая ячейка отличалась окошком, в котором беспрерывно вспыхивал и угасал свет. То он был ярким, то средним, то едва различимым, то он был белым, то голубым, то темно-красным. Таких окошек в каждом каменном небоскребе был миллион, и все они переливались, каждую секунду меняя яркость и цвет... Зрелище было завораживающее — оно гипнотизи-

ровало, притягивало своим беспрерывным мельканием — впечатление было такое, что это живет и дышит много-миллионный город, что за каждым таким цветастым окошком — чья-то судьба, чьи-то радости, тревоги... Но я понимал — здесь нет ни одного человека. И мне снова стало жутко.

Я летал вокруг города-спрута, раздумывая над тем, не вернуться ли мне обратно, и тут увидел, что в одном месте стена, опоясывающая город, разрывается и сквозь нее проходит движущаяся лента, по которой непрерывным потоком идут в город материалы — готовые ячейки (из них, видно, складывались дома), какие-то трубы с проводами, целые блоки приборов, закрытые чаны с жидкостями или растворами, металлические и пластиковые конструкции... Внутри города материалы автоматически сортировались, направлялись по разным каналам и потом, насколько я мог понять, доставлялись к местам, где автоматы быстро собирали из готовых ячеек все новые и новые небоскребы, мелькающие цветастыми окошками.

Широкая, метров пятнадцать, лента безостановочно несла в город материалы, а лента поуже выносила из города отходы. Все совершалось с поразительной четкостью и точностью, особые контролирующие устройства, видимо, придирчиво наблюдали за каждым поворотом подаваемой детали, не давали ей сдвинуться с положенного места ни на сантиметр — механические лапы тут же поправляли ее, и все шло, как заведенное, дальше.

Я подумал о том, что эта беспримерная четкость могла быть действительно образцовой, если бы во всем этом была хоть капля одушевленности, если бы здесь была хоть одна живая душа.

Живая душа! Лента... и живая душа! Ну, конечно! Это, пожалуй, единственная возможность. Я посадил авиетку вблизи конвейера, дождался, когда мимо проезжала ячейка на подставках, прыгнул на ленту и лег между подставками — так, что был прикрыт сверху деталью.

Я соскочил, как только лента прошла все заслоны, не дожидаясь, пока ячейку подхватят механические лапы. Соскочил, ощутил под ногами слегка шероховатое пластиковое покрытие — им был устлан весь город — и меня охватило странное чувство. Все вокруг меня было творением человека — его разума, его гения, его действия — и в то же время все это существовало теперь

уже отдельно от человека, жило какой-то своей собственной жизнью, было чуждо, а может быть, и враждебно человеку. Я даже не знал, ступала ли сюда нога человека, не я ли единственный из всех людей проник сюда.

Я шел к центру, к тому самому очерченному тремя кругами центру, который я видел только одно мгновение на экране. Сюда влекла меня неодолимая сила, убеждение, что именно здесь я найду разгадку этой странной тайны. Но чем больше приближался я к центру, тем труднее становилось продвигаться. Я начал сталкиваться с неким нарушением порядка — то проход был загроможден материалами, то лифт не работал, даже стали попадаться какие-то обломки.

Сначала это не очень затрудняло движение, но чем дальше, тем больше я встречал обломков, развороченных строений, а когда пересек последний круг, увидел, что надо перебираться через горы камней, металла, спутанных проводов. И все-таки я не остановился, карабкался, проваливался, снова взбирался и упорно шел вперед, чувствуя, что близок к цели.

«Вперед! — говорил я себе. — Еще немного! Совсем немного!»

В одном месте, перебираясь через обломки разбитого дома, я, видно, нарушил равновесие, и глыбы камней пришли в движение. Они начали сползать, падать, одна ячейка грохнулась возле меня и словно взорвалась — во все стороны разлетелись крошечные разноцветные кристаллы. Я весь был обсыпан ими, они были похожи на бусы, только у каждого была своя, особая, сложная форма. Я решил набрать пригоршню, стал собирать их и тут увидел странный изогнутый блестящий предмет, вернее пластинку. Я подобрал ее и стал пробираться дальше, карабкаясь вверх по обломкам.

Когда взобрался на самую верхнюю глыбу, день уже был на исходе, подступали сумерки, в их багрово-сером свете я увидел центр. Это была груда поваленных небоскребов. В середине зияла огромная воронка, а вокруг нее, словно детские кубики, лежали поваленные друг на друга колоссальные каменные коробки. Они были мертвы, выворочены с корнем невероятной силы взрывом, но их окошки все еще мерцали — тусклым, безжизненным светом. Или это мне показалось?

В тот день я больше не мог оставаться там, уже темнело, и меня вдруг охватил страх, мне показалось,

что я не выберусь отсюда. Уже в темноте я добрался до авиетки, заночевал в ней. На корабль я радировал, что все в порядке, вернусь через день-два. А следующим утром я полетел в город, нашел библиотеку и весь день провел там, просматривал их книги, газеты, журналы — благо, автоматы послушно выдавали мне все, что я просил, по первому требованию. Потом я снова полетел к Спруту, бродил по развалинам, подбирал обрывки магнитоленты, пленок, куски перфокарты. Собрал все, что можно было унести с собой.

Перед тем как уйти, снова взобрался на груды обломков и долго смотрел на черную обуглившуюся воронку, из которой все еще шел запах гари. Я думал о судьбе того, кто сделал это...

Я вернулся на корабль, собрал людей, рассказал им обо всем, что видел. После долгих споров было решено, что мы разделимся на несколько групп. Одна займется изучением города-спрута. Другая будет изучать материалы в библиотеках, выберет оттуда все, что поможет восстановить истину. Третья, четвертая и пятая обследуют всю планету, проведут съемки.

Так мы и сделали.

Я периодически навещал каждую группу, но основное время проводил в библиотеке, которую нашел в первый раз. Я считал (и потом выяснилось — справедливо), что книги, газеты, журналы дадут больше всего материала для того, чтобы понять до конца, что здесь произошло.

Так мы работали без передышки около месяца. А затем, уже на обратном пути, обработали все документы, сопоставили факты, и картина разыгравшейся здесь трагедии встала перед нами со всей очевидностью.

Они создали кибернетическое устройство с обратной связью, регулировавшее всю их жизнь, и на первых порах оно им действительно помогло. Постепенно они все больше передавали Машине функции управления, и она разрасталась непомерно, превращаясь из большого дома в комплекс домов, а затем в целый кибернетический город.

Потом они сделали последний шаг — отдали ей власть над каждым человеком в отдельности. И это погубило их окончательно.

На каком-то этапе Машина, в которую была заложена идея постоянного совершенствования, потребовала связи с мозгом каждого члена общества. Она мотивиро-

вала это необходимостью правильно регулировать их жизнь.

Так, например, после того как она стала выбирать сферу предпринимательства каждого, учитывая его данные, наклонности, возможности, стала выбирать сама кому где жить, чем заниматься,— опять же из соображений наилучших возможностей предпринимательства,— она пришла к выводу, что вопрос о нахождении человеком пары может наиболее рационально и правильно решить только она. Ну, в самом деле, может ли мужчина сказать, что он женится на той единственной женщине, которая из всех существующих на планете ему больше всего подходит? Может ли то же самое сказать женщина? А Машина могла — ведь в нее закладывались данные о каждом человеке. Первоначальные данные. Но для того, чтобы точно контролировать все изменения, происходящие с человеком, она должна постоянно, ежесекундно быть в курсе всех изменений. Отсюда появилось требование Машины о постоянной связи с мозгом каждого человека. Требование исходило из соображений о будущем — ведь речь шла о здоровом потомстве. Кроме того, Машина аргументировала свое требование необходимостью иметь постоянную информацию об изменениях в области знаний, в области эмоций, чтобы правильно регулировать конъюнктуру производства и рынка. Тем не менее они долго сопротивлялись, не соглашались на это, дискутировали очень много, я это видел по их газетам, но в конце концов согласились. К этому времени Машина играла уже такую роль в их жизни, все уже так от нее зависело и так ей верили, что пошли и на этот, видимо, роковой для них шаг. Потому что, получив связь с каждым в отдельности, она получила и власть над каждым в отдельности. В случае надобности, она могла уже воздействовать на каждого, используя свои собственные волны.

Как она это делала, каким образом? В книгах по этому поводу не было ни слова, возможно, об этом не принято было говорить. Но на всех картинках стали появляться люди с изогнутым металлическим гребнем, охватывающим затылочную часть головы. Гребень был блестящий, красивый, с зубцами по верхнему краю, и сначала я думал, что это украшение, вошедшее в моду. Но потом я обратил внимание — с этим гребнем не расставались никогда, он был на них и во время купания, и во сне, и дома, и на работе, он был на глубоких стариках

и на годовалых детях. Его, видимо, получали при рождении и носили до смерти, к нему привыкли так, что без него человек чувствовал себя, как без одежды. Этот гребень, судя по всему, служил антенной, через него осуществлялась постоянная связь с Машиной.

С этого времени и пошло их порабощение. Сначала они этого не замечали. Они восхваляли Машину — им казалось, что она обеспечила им идеальные условия частного предпринимательства, при которых у всех равные шансы на успех и каждый достигает того предела богатства и благополучия, о котором он мечтает, и поэтому все одинаково счастливы, независимо от того, кто он — владелец предприятия, инженер или рабочий. Словом, они были убеждены, что Машина помогла им создать тот самый общественный рай, о котором столько фантазировали на земле, но создать который там еще никому не удавалось.

Между тем они постепенно превращались в огромную, разветвленную сеть роботов при этом гигантском кибернетическом мозге.

А когда поняли — было уже поздно, они полностью находились в ее власти. Не она обслуживала их — они обслуживали ее. Круг замкнулся.

Почему же не сбросили они с себя эти путы, ведь так просто — снял гребень и все. Но в том-то и дело, что не так все это было просто. Видимо, с детства внушалась им мысль, что снять гребень — значит совершить тягчайшее преступление. Кроме того, они уже чувствовали себя беспомощными без него, испытывали страх перед необходимостью самим решать принципиально важные проблемы.

А Машина уже решила, что планета для нее мала, что пора завоевывать Вселенную. Она уже именovala себя Солнцем Вселенной и решила, что все планеты должны вращаться вокруг нее. Каким-то образом она сумела воздействовать на магнитное поле системы и начала менять орбиту, захватывая соседние планеты, превращая их в свои спутники.

Когда это ей удалось, она возомнила себя центром Вселенной, она решила, что все вокруг должно служить ей, понимаете, ОНА СОШЛА С УМА, Виктор!

Аллан встал и, не в силах побороть волнение, опять пошел по галерее. А мы с Юной сидели пораженные, подавленные его последней фразой. Чем-то леденящим повеяло на меня с экрана.

— Бог знает, к чему все это привело бы,— продолжал Аллан,— но случилось то, что в конце концов должно было случиться: нашелся человек, который преодолел власть Машины. Как он это сделал — не знаю. То ли набрался смелости и сбросил гребень, то ли сила человеческого разума в борьбе с Машиной выработала какой-то иммунитет, во всяком случае появился на свет человек, который видел всю нелепость происходящего, который думал над этим, а Машина узнать об этом не могла.

Он попытался пройти в ее логово и взорвать центр, управляющий людьми. Но она не допустила его, засекла, уничтожила. С тех пор она, видимо, стала ограждать себя — строить стену заграждения, силовой купол. Но чем больше она себя ограждала, тем больше было попыток прорваться туда. Я не знаю, сколько их было. Может быть, сто, может быть, тысяча — тех, которые жертвовали собой для спасения людей. Но в какой-то раз, в сотый или в тысячный, попытка, видимо, удалась. Человек прошел через все препоны, преодолел все хитроумные преграды, обманул всех электронных сторожей, проскочил через все ловушки и барьеры, он пронес в логово Машины атомный заряд, дошел до Центра, управляющего людьми, и рванул все это, превратил в груды развалин, разорвал цепи, которые Машина набросила на людей...

Аллан замолчал. Он подошел к краю галереи, поглядел на море, которое фосфоресцировало под нами, на причальные мачты, мигающие цветными огнями, и вздохнул, словно освобождаясь от пережитого.

— А люди? — спросила Юна. — Людей вы нашли?

— Нашли,— сказал он. — Сейчас я вам покажу. Включите экран.

Я нажал клавишу, и мы увидели бесконечный полутемный коридор. По стенам, с двух сторон, тянулись какие-то полки или нары, а на них лежали рядами странные длинные неподвижные предметы, напоминающие свернутые ковры.

— Дайте увеличение,— сказал он.

Предметы стали приближаться, и вдруг я разглядел человеческое лицо, второе, третье, четвертое... Они все лежали на боку, вплотную друг к другу, видимо, для максимальной экономии места, и на затылке у каждого поблескивал металлический гребень.

— Они мертвые? — с трудом проговорил я.

— А это как считать,— сказал Аллан.— По-видимому, Машина готовилась к захвату новой планеты, это сопряжено с сильными ураганами, магнитными бурями, и людей она решила сохранить. Видите, как заботливо, как экономно она уложила их в подземных штольнях. Они сами спускались сюда, сами укладывались и погружались в летаргическое состояние. Она могла делать с ними все, что хотела.

— А теперь? Что же теперь? Ведь ее власти больше не существует?

— Да. Но и разбудить их некому. Она одна знала, как это сделать.

— Значит... Этот человек пожертвовал собой напрасно? Он их не спас?

— Я считаю, что спас,— сказал Аллан.— Спас от чего-то худшего. Пусть они еще не люди, но уже не рабы.

— Аллан, а есть какая-нибудь надежда? — Юна, волнуясь, заглядывала в его лицо. Он погладил ее волосы и впервые за все это время улыбнулся.

— Есть надежда. Вот разберемся, что это за состояние, и попробуем прервать действие импульса, который она все еще продолжает посылать...— Потом он снова обернулся ко мне: — Я слышал, на юбилейной сессии будут слушать проект создания Всемирного Кибернетического Центра?

— Да, есть такой проект.

— Я вас очень прошу, Виктор, когда вы будете выступать по проекту, покажите им вот это!

И он кинул на пульт передо мной блестящий изогнутый гребень с высокими зубцами по верхнему краю...

ВЫЗОВ

1

— ...О, если бы покой маячил нам вдали...—

Голос Аллана звучал глухо, казалось, он срывался с утеса и падал вниз, туда, где под нами рокотало ночное море. Мы стояли почти на самом краю — стеклянные створки галереи были раздвинуты, буйное звездное небо обнимало нас со всех сторон, мы словно висели в нем, а под нами, невидимое, но осязаемое, неумолчно шумело море.

Аллан прислушался к его невнятному рокоту, потом спросил:

— Вы знаете, когда написаны эти стихи?

— Лет тысячу назад, наверно? Омар Хайям, если не ошибаюсь.

— Да... Но они могли быть созданы и две тысячи лет назад, и десять тысяч. Потому что этот вопрос волнует человечество с того самого дня, как человек стал осознавать себя и окружающий мир.

— Пожалуй, и сейчас этот вопрос не снят с повестки дня,— сказал я.— Да и вряд ли будет снят вообще. Наверно, есть вопросы неисчерпаемые. Каждое поколение отвечает на них по-своему. Но никто никогда не решит до конца. Вероятно, в нем, в этом вопросе, заложена вся движущая сила человеческого разума.

— Возможно.— Аллан нагнулся, подобрал со склона камешек и зашвырнул далеко в море. Мы долго ждали, но не услышали ни малейшего всплеска. Только ровный, вечный, невозмутимый шум моря. Камешек словно растворился во тьме. Словно его никогда не было.

— Вот так исчезал человек,— сказал Аллан.— Жил среди людей, ходил, работал, любил, творил — и вдруг исчезал бесследно, словно его никогда и не было. Оставались его дела, его дети, вещи и идеи, им созданные, а его самого уже не было, и нигде никогда он не повторялся. Это всегда было мучительной загадкой для людей, и это породило легенды и мифы во всех религиях — о загробном мире, о переселении душ,— люди не хотели мириться с тем, что человек может исчезнуть бесследно.

— Вы говорите: «исчезал», «было», «не хотели мириться»... Разве сейчас не так?

— Не совсем так.

— Что вы имеете в виду? То, что мы знаем: нет загробного мира? Или знаем наверняка, что нет жизни во всей Солнечной системе, кроме Земли... Разве от этого легче? По-моему, еще острее мы ощущаем утрату, когда уходят в ничто живые люди. Почему они уходят? Куда? Простите, я, кажется, начинаю говорить словами вашего Омара Хайяма.

— Не надо извиняться, Виктор,— я почувствовал тоску в его голосе.— Эти слова каждый из нас произносит рано или поздно.

Светящаяся полоса мгновенно и бесшумно прочертила небосвод и так же мгновенно погасла.

— Вот так на фоне вечности выглядела в прошлом

человеческая жинь. Может быть, поэтому раньше считали, что это души умерших отправляются куда-то...— Аллан посмотрел в небо.— Вчера исполнился месяц со дня смерти Валентина, нашего физиолога. Вы ведь знали его?

— Знал. Удивительно яркий был человек — разносторонний, талантливый. Что с ним случилось?

— Взорвалась установка, на которой он проводил испытания. Почему-то он оказался в камере, хотя мог быть у телеэкрана. Когда камеру открыли, в ней ничего не было — сработали аварийные клапаны и вытяжная система. Лишь тонкий слой пепла осел на стенках...

— Страшное дело!

— Да. Почему-то людям легче, когда они могут положить хоть что-то в землю... Вчера я был у него дома. Там все, как при нем: на столе его неоконченная рукопись, его ручка лежит наготове, диктофон хранит его голос, автомат-гардеробщик протягивает его домашнюю одежду, бар выдает его любимый напиток из зерен Тау, который мы привезли с Плутона, помните? Словом, во всем, в каждой вещи — он, а его самого нет... И вот, понимаете, можно сказать, что он живет — в своих книгах, в своих учениках, в своих идеях — они еще долго будут разрабатываться, давать пищу исследователям. В своих детях, наконец. Но все-таки его нет, нет человека.

— Как переносит все это Лина?

— Вот о ней я хочу сказать. Она ходит по дому в каком-то трансе. Трогает его вещи, листает его рукописи, и все не может поверить. Ждет, что он появится. Она говорит, что поняла сейчас, почему когда-то, у древних, жен хоронили вместе с мужьями. Говорит, что ей было бы легче сейчас умереть — разве может жить половина человечества, если другая половина умерла?

— Это пройдет.

— Пройдет, конечно, со временем. Но вот, обратите внимание, Виктор, смерть, биологическая смерть сопутствует человечеству на протяжении всей его истории с самой зари, с первобытных времен, когда он жил в пещерах, одевался в шкуры, и высшим благом для него была удачная охота и зажженный очаг. Смерть сопутствует ему на протяжении всей его истории до сегодняшнего дня, а он никак не может с ней примириться. Почему? Ведь с точки зрения природы все естественно — переход из одного состояния в другое. Почему же

этот переход неприемлем для человека — он ведь тоже часть природы. Чем вы это объясните?

— Не знаю... Наверно, дело в том, что живая материя — это высшая форма по сравнению с мертвой. И возврат от высшего состояния к низшему противоестествен, он противоречит эволюции.

— Но почему же — противоречит? В природе всегда был круговорот веществ. Появилась жизнь, она развивалась — от простейших водорослей к могучим растениям, от моллюсков к животным, но все потом возвращалось к исходному материалу — атомам. И растения, и живые существа, пройдя свой путь, всегда возвращали природе исходный материал. Почему же человек противится этому?

— Постойте, Аллан, постойте. Тут что-то не так. Если бы дело было лишь в том, что живому существу надо возвратить природе материал, который она дала ему на время, займы, так сказать, все было бы проще. Видимо, дело в том, что с появлением мыслящей материи кое-что изменилось. Видимо, само существование материи мыслящей — это еще более высокая форма, особая форма. Может быть, она еще только начинает свой путь в человеке, и вдруг ей надо погибнуть, прекращать свое существование из-за того, что обветшала оболочка или еще что-то случилось с ней, вот как с Валентином. А может быть... — Я замолчал. Что-то не совсем еще ясное маячило где-то там, в тумане моего сознания, но никак не могло определиться, найти словесную форму. Темнота вокруг нас, кажется, еще больше сгустилась, шум моря усилился, теперь оно уже тяжело ухало вниз, под нами, ударяясь о камни, — поднялся ветер, начался прибой.

— Так что же? — крикнул Аллан. Ветер отбрасывал его голос, но я все же услышал, что он волнуется. — Что «может быть»?

— Не знаю, Аллан! Что-то мелькает, но я не могу вот так просто сказать. Может быть... Пойдем в дом, я замерз.

Мы прошли в галерею, створки бесшумно сдвинулись за нами, стало тепло и тихо.

— Ну, — проговорил он, — я все-таки хочу, чтобы вы довели свою мысль до конца. — Он смотрел на меня ободряюще. — Не бойтесь, прыгайте через пропасть!

— Я подумал... Может быть, она вообще не должна умирать?

Несколько мгновений он смотрел на меня в упор, закусив в зубах свою трубку, потом сказал:

— Вот эту идею разрабатывал Валентин. До последнего дня.

— Разрабатывать идею бессмертия и погибнуть так нелепо, в расцвете сил... Какая ирония судьбы!

— Погодите,— сказал Аллан.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Мы прошли через галерею, затем миновали обширный полутемный сейчас холл, тоже застекленный, уставленный по стенкам всевозможными растениями, которые Аллан навез сюда со всей вселенной, и очутились в рабочем кабинете Аллана, с его знаменитым пультом и экраном во всю стену.

— Садитесь сюда, Виктор,— указал он на тахту.— Мне придется немного поработать у пульта.

Но он не успел положить руку на кнопки. Зажегся экран, и мы увидели Юну.

— Здравствуйте, Виктор,— сказала она.— Аллан, я звонила, тебя не было.

— Мы с Виктором на утесе стояли. Ну, как там?

— Плохо. Состояние подавленное, я даже боюсь задавать этот вопрос. Как бы хуже не было.

— Ну, ты погоди,— сказал он.— Мы тут с Виктором посоветуемся. А потом я тебе скажу, что делать.

— Хорошо. Я буду ждать.— Экран погас.

— Она у Лины сейчас,— пояснил Аллан.— Тут вот какая история...

Он нажал кнопку, и в стене, справа от пульта, открылась ниша.

— Вы видите этот ящик?

Я подошел поближе. В нише стоял на подставке большой металлический ящик величиной, пожалуй, со старинный сундук. Он был ровный, гладкий, нигде никаких швов или отверстий. Только со дна его отходил толстый полиэтиленовый шланг. Странно толстый, примерно в целый обхват. Он уходил куда-то в пол.

— Вижу,— сказал я.— Ну и что?

— А вот что. Сегодня утром мне доставили ящик вот с этим письмом. Читайте.

Он подал мне листок белой бумаги, и я прочел ровные строки, написанные от руки:

«Дорогой Аллан! Сегодня месяц, как меня нет в живых. Я это знаю, так как завещал одному из сотрудников Института доставить тебе этот ящик ровно через ме-

сяц после того, как будет точно известно, что меня нет в живых. Подключи это к своему телекомпьютеру. Валентин».

— Вы подключили? — спросил я.

— Да.

— Ну и что?

— Сейчас увидите.

Он нажал кнопку. Экран засветился, но как-то мутно. Какое-то туманное, расплывчатое изображение появилось на нем. Аллан убавил свет в комнате, стал регулировать ручками настройки на пульте.

И вдруг на экране, очень четко и ясно, показалось лицо Валентина. Изображение отодвинулось, и мы с Алланом увидели, как Валентин, во весь свой рост, сделал шаг нам навстречу, оглядел кабинет, заметил Аллана, потом меня и улыбнулся своей обычной, чуть грустной улыбкой.

— Здравствуй, Аллан,— сказал он спокойно, и впечатление было такое, что он здесь, в комнате.— Здравствуйте, Виктор.

Я сидел похолодевший, не в силах шевельнуться.

— Здравствуй, Валентин,— сказал Аллан. Он стал тоже говорить спокойно, но голос его звучал хрипло и сдавленно.— Ты хорошо меня слышишь?

— Да. Вполне...— ответил Валентин.

Он замолчал, некоторое время внимательно рассматривал наши лица, потом помрачнел, оглянулся, придвинул к себе кресло и сел напротив нас.

— Меня, по-видимому, нет в живых? — сказал он как о чем-то само собой разумеющемся, и тут я почувствовал, что слабею, еще секунда — и упаду.

Я прислонился к стене. Аллану, видно, тоже было не по себе. Он взялся за ручку на пульте.

— Да,— проговорил он наконец.

— Месяц прошел? — спросил Валентин.

— Да,— выдавил Аллан.

Валентин сидел в кресле, опутив подбородок на сжатые кулаки, и лицо его было хорошо видно нам. Оно мрачнело все больше и больше. Вот появились скорбные складки у губ, вот сдвинулись брови и стала подергиваться щека. Он прикрыл ладонью глаза. И сидел так еще некоторое время.

Мы молчали.

— Лина знает? — спросил Валентин и отнял руку.

— Знает,— сказал Аллан.

— Как она?

— Ничего,— сказал Аллан.— Держится. Юна там, у нее.

— Спасибо,— сказал Валентин.— Ты уж поддержи ее...

— О чем ты говоришь!

Валентин встал, отодвинул кресло, прошелся по комнате. И мы увидели, что это его рабочий кабинет в Институте.

— Что со мной случилось, Аллан?

Я ждал этого вопроса. И Аллан, видимо, тоже ждал. И все-таки ему было трудно, я видел.

— Ты... Ты ко всему готов, Валентин?

— Абсолютно. Я потом все объясню. А сейчас говори, не бойся.

— Ты работал в камере, произошел взрыв.

— Понятно.— Теперь он был уже спокоен.— Кто-нибудь еще пострадал?

— Нет, ты один. Почему ты был в камере, когда мог быть у экрана?

— Не знаю,— сказал он.— Наверно, так надо было...— Он обвел глазами свой кабинет, выдвинул ящик стола, посмотрел какие-то бумаги.

— Установка погибла?

— Да. Ничего не осталось.

Аллан не объяснял дальше, но Валентин понял.

— Бедная Лина...— сказал он и замолчал надолго, задумался.

— Ты хочешь ее видеть? — спросил Аллан.

Валентин не ответил. Он стоял у стола, опустив голову. Потом подошел к нам.

— Не надо этого делать,— сказал он.— Ей будет слишком тяжело.

— Я могу сделать так, что она тебя не увидит. Только ты ее.

Валентин нахмурился.

— Нет,— сказал он.— Пока не надо. Подожди. Поговорим сначала... Я должен привыкнуть к этой мысли. К своему новому положению...

Он опять стал ходить по кабинету, осматривать все. Подошел к стенду, где были смонтированы какие-то приборы.

— Установку можно будет восстановить,— сказал он.— Чертежи у меня тут, в шкафах.

Он говорил так, словно действительно ходил сейчас

по своему кабинету. Впрочем, для него это было, видимо, действительно так.

— Ладно. Давайте разберемся что к чему.— Он опять подошел к нам вплотную и сел в кресло.— Ты все понял, Аллан?

— Не совсем. Но догадываюсь...

— Виктор знает, над чем я работал?

Он кивнул и печально усмехнулся.

— Я исходил из того, что смерть молодой мыслящей материи — противоестественна. Она умирает не потому, что изнасилась или исчерпала себя, а потому, что природа не нашла еще способа продлить ее существование. Исследования показали: серое вещество мозга погибает, как правило, в расцвете сил, погибает из-за того, что изнасилась оболочка, одряхлевший организм не в состоянии поддерживать необходимые условия существования мозга. Тело состарилось, а мозг еще молод — отчего такое несоответствие? С точки зрения биологической жизни организм за 70-80 лет существования вполне успевает выполнить свое назначение — дать начало новой жизни. Он прошел свой цикл и может уходить спокойно. Но высшая форма жизни, заключенная в нем, — мыслящая материя — только начинает свой путь. Она должна совершить еще очень многое, ее способности и возможности, неизведанные пока еще никем, неисчерпаемы. И вдруг, в самом начале пути, когда еще все впереди, она должна прекратить свое существование. Не отсюда ли яростный протест мозга против смерти, его нежелание подчиниться гибели и его трагическое бессилие вырваться из плена биологического распада оболочки, без которой он пока не может существовать? Я говорю — пока, потому что на этот счет у меня есть особые соображения, но об этом после. Теперь — о главном.

Валентин встал, сделал несколько шагов по кабинету, подошел, видимо, по привычке к окну, и тут же отвернулся, чтобы не видеть бушующей жизни — там, на всех ярусах города.

Он снова подошел к нам, но в кресло не сел, отодвинул его. Вместо него придвинул черную экранную доску на подставке — так, чтобы нам хорошо было видно. Взял в руки чертежный электронный фломастер.

— Если природа пока еще не может сохранить мыслящую материю, значит, она сама должна позаботиться об этом, найти способ продлить свою жизнь после гибели оболочки. Тут можно было идти разными путями.

Можно было попытаться сохранить в искусственных условиях жизнь мозгу. Такие попытки делались, вы знаете. Но мозг, живущий в банке с раствором и ждущий возможности переселиться в какое-нибудь молодое тело,—слишком жалкое зрелище для окружающих и слишком унижительное состояние для мыслящего мозга. Не говоря уже о том, что тут нарушаются связи со средой, то есть происходит изменение личности.

Я попробовал идти иным путем — более сложным, но, как мне кажется, более перспективным. Он состоит из двух этапов. Первый — при помощи биотронного запоминающего комплекса записать личность...— Валентин быстро набрасывал на доске схему: человек и идущие от него импульсы, попадающие в запоминающее устройство.— Второй этап — воссоздать затем личность при помощи того же запоминающего комплекса. Ну, с первой задачей я как будто справился,—грустно усмехнулся он.— Тот ящик, который вы получили, Аллан, и есть биотронное запоминающее устройство, в котором содержится моя личность. В течение пяти последних лет вся моя умственная деятельность записывалась этим устройством. Большей частью это происходило в Институте, так как последнее время я, в основном, проводил там. Записывались не только импульсы мозга, записывались при этом и изображение, и голос. Таким образом, в ящик было введено все — весь запас моих знаний, весь мой предшествующий опыт, все мои привычки и даже все мои недостатки. Для полноты картины я старался записывать себя не только в Институте, но и дома, и во время путешествий. Помните, Аллан, вы все потешались надо мной, когда во время полета на Эру я и днем и ночью не расставался с кожаным шлемом, вы еще говорили, что он прирастет к моей голове. Так вот, в этом шлеме находились датчики и портативное записывающее устройство. Потом я ввел его в тот же ящик. Так, постепенно, я вводил туда все, что касалось меня, все, что, конечно, поддавалось фиксации. Шаг за шагом я переселялся в этот ящик со всеми своими потрохами. И вот, как видите, переселился...

Он обернулся к нам, у него было улыбающееся лицо, но улыбка — какая-то жалкая.

— Переселиться — переселился,—повторил он,—и, как видите, довольно удачно. И даже, я бы сказал, вовремя. Не так ли? Вы ведь воспринимаете меня как живого?

— Да,— сказал Аллан.— Абсолютно.

— Ну что ж, значит, с этой задачей я справился...

Он стоял задумавшись, с фломастером в руке.

— Я смогу работать дальше, смогу направлять работу лаборатории.— Он говорил, словно убеждая себя в чем-то, словно доказывая себе, что был прав.

— Да, конечно,— сказал Аллан.— А если хочешь, мы возьмем тебя в космос, полетим, как прежде...

Он словно оправдывался в чем-то перед Валентином, словно убеждал его, что положение у нас у всех равное, что мы с ним — живые и Валентин, записанный в ящике,— это одно и то же. Но все трое мы одновременно почувствовали неловкость. Видимо, оттого, что в воздухе все время висело что-то недосказанное.

— Ну хорошо, с первой задачей ты справился прекрасно, я бы даже сказал, удивительно. Мы воспринимаем тебя сейчас, как если бы ты был, скажем, в космосе, и мы с тобой держали связь. Верно я говорю, Виктор?

— Да,— согласился я.— Это, пожалуй, наиболее близкое сравнение. Я, например, никак не могу осознать, что мы разговариваем сейчас... с биотронным ящиком, хотя понимаю, что это так.

— Не совсем так,— быстро поправил меня Аллан и посмотрел на экран.— Общаемся мы все-таки с ним самим, с его личностью, а ящик как бы явился соединительным мостом между нами и Валентином... Так ведь, Валентин?

— Да, пожалуй,— сказал Валентин, но не очень уверенно.— Я ощущаю себя так, как раньше, я чувствую себя все время связанным с ящиком, но не чувствую своей зависимости от него. Скорей наоборот. Я знаю, что он зависит от меня. При желании я могу его выключить, могу стереть ту или иную запись, могу даже...

Мы с Алланом застыли, разинув рты. Вид у нас, судя по всему, был довольно глупый, поэтому Валентин замолчал, перевел взгляд с него на меня.

— Как ты обычно включал ящик? — спросил Аллан.

— Нажимал кнопку на пульте. Вот эту, красную.— Он подошел к большой вертикальной панели, смонтированной на стене.— Видите, она сейчас нажата и горит красный свет. А когда хотел выключить, нажимал соседнюю, черную. Вот, смотрите...

Аллан поднял руку, но не успел звука вымолвить — Валентин нажал черную кнопку, и экран стал гаснуть. Сперва он затуманился, изображение расплылось, раз-

мылось, потом оно совсем пропало, наступила какая-то странная полутьма, и голос Валентина пропал, но в то же время на экране мелькали неясные тени, и какие-то странные обрывки звуков, перемешиваясь, слышались в отдалении, то усиливаясь, то замирая совсем.

— Валентин! — закричал Аллан. — Валентин! Нажми красную кнопку! Ты слышишь меня? — повторял он властно. — Нажми красную кнопку!

— Ничего не понимаю, — пробормотал я. — Ведь никакой кнопки в действительности нет.

Но Аллан не слушал меня.

— Валентин! Валентин! — кричал он. — Ты слышишь меня?

— Сейчас, погодите... — услышали мы какой-то сонный голос с экрана. — Тут темно, я ничего не вижу... Ага, вот, нащупал...

Экран вновь засветился. Валентин стоял у панели и щурился от света.

— Не нажимай больше черную кнопку, — сказал Аллан с облегчением. — Что ты чувствовал, когда выключил ящик?

— Я, кажется, уснул. Потом услышал сквозь сон твой голос. Ты звал меня?

— Да.

— Раньше этого не было... — виновато сказал Валентин.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил Аллан.

— Кажется, понимаю... Когда я раньше нажимал кнопку, ящик отключался, а я продолжал действовать без него. Теперь я нажал ее...

— Ты нажал ее в своем воображении.

— Да. Отключить его по-настоящему я не мог. Но он повел себя так, как если бы его действительно отключили. Сознание мое затуманилось... Видимо, я спал.

— Больше не делай этого, — сказал Аллан. — Кто знает, сумеешь ли ты включить в следующий раз. Ты говоришь, что можешь стирать записи?

— Да, вот этим рычагом.

— Никогда не прикасайся к нему, слышишь?

— Хорошо.

— Ну, а теперь я отключу тебя. По-настоящему отключу, а потом включу снова. Так что ты не бойся.

— А я не боюсь, — улыбнулся Валентин.

— Садись в кресло.

Валентин послушно сел и спокойно посмотрел на Аллана.

— Готов?

— Готов.

— Выключаю.

Он вынул вилку, отключающую питание ящика.

Экран совсем погас. Теперь мы видели только его холодную вогнутую матовую поверхность. Несколько секунд мы молча смотрели на экран.

— Что он должен сейчас чувствовать? — спросил я.

— Не знаю. Скорей всего — ничего. Полный провал.

Он подождал еще немного. Затем включил. Валентин сидел в кресле в той же позе.

— Что ты чувствовал?

— Ничего. Мне казалось, что ничего не изменилось. Ты выключал?

— Выключал, — сказал Аллан. — С этим ясно. Ты возвращаешься к себе на той же точке, на которой ящик был отключен. Ты не устал? Может быть, на сегодня хватит?

— Может быть... — задумчиво сказал Валентин.

2

— Ну? Что вы обо всем этом думаете? — спросил меня Аллан, когда мы остались вдвоем.

Я не оговорился, не могу подобрать другого слова. Мы действительно только что были втроем, но вот Валентин ушел. Ушел куда-то к себе.

Аллан вызвал Юну. Сказал, что мы ждем их с Линой, но больше ничего объяснять не стал и выключил экран.

Мы сидели, молчали. Он набил свою трубку, закурил. Дым был удивительно ароматный, словно открыли дверь в цветочную галерею. Он делал этот табак из цветов по какому-то особому, им самим придуманному способу. У меня сладко закружилась голова.

— Ну так что вы обо всем этом думаете?

— Мне кажется, он бросил вызов самому госпо-
ду богу.

— Мы все время бросаем ему вызов. Когда создаем межпланетные станции. Когда пробиваем пространство. Когда сдвигаем время.

— Нет, Аллан, это не совсем то. — Я поднялся с тах-
ты, подошел к его огромной космической карте. — Все,
что вы говорите, совершается в пределах существующе-

го в природе. И пространство, и время, и планеты существуют в природе независимо от нас. Мы только научились состязаться с космическими скоростями и расстояниями, с движением планет и звезд. А он сделал то, что неподвластно природе — сохранил мыслящую материю.

— Он ее не сохранил. Он ее воспроизвел, вернее, даже записал, снял с нее слепок. Природа делает то же самое ежечасно, ежесекундно. Она воспроизводит мыслящую материю все время. И во все больших количествах.

— Вот именно,— сказал я.— Каждый раз заново и каждый раз сначала, с пустого места. Вот вы ему сказали: не смей нажимать рычаг, помните? А она что делает? Каждый раз нажимает рычаг, стирает все дотла, а потом воспроизводит чистую пленку, на которой все надо записывать заново, с самого начала.

— Ну, не совсем сначала...

— Нет, именно сначала, с самого начала! — убежденно говорил я, увлекшись своим сравнением.— Качество пленки несколько улучшается, она становится более восприимчивой, может быть, более емкой, но запись надо начинать с самого начала — вы же знаете, что происходит с людьми, которые с младенческого возраста оказываются изолированными от общества!

— Да,— согласился он.— Тут вы правы, она действительно каждый раз нажимает на этот проклятый рычаг. А общество затем заново пишет все на ней, играя роль хранителя информации. В его материальной и духовной культуре сохраняется все, что накоплено мыслящей материей за все время ее существования.

— Я не отрицаю роли общества и воспитания... Именно оно делает человека человеком. Все верно. Однако обратите внимание — жизнь мыслящей материи не увеличивается, человек по-прежнему живет 70-80 лет, ну, пусть мы сумеем продлить жизнь до ста лет. А период, который требуется, чтобы записать информацию на чистую пленку, катастрофически увеличивается. Чтобы передать только основную информацию, еще недавно достаточно было 20-25 лет. Сейчас уже требуется больше. Что же остается на долю активной деятельности человека?! И все потому, что каждый раз надо начинать сначала. Вспомните, Аллан, что говорил Валентин — мыслящая материя умирает в самом начале пути, гибнет из-за того, что изнашивается оболочка. В чем дело? Почему такое несоответствие?

Я разошелся, распалился так, как будто это он, Аллан, был тем самым господом богом, который что-то не предусмотрел, и я требовал от него исправить ошибку.

Он улыбнулся, выбил свою трубку.

— Одно из двух,— сказал он.— Либо в этом есть какой-то смысл, либо Валентин прав: природа оказалась просто неподготовленной для сохранения высшей формы жизни.

— Если бы в этом был какой-то смысл, мыслящая материя не воспринимала бы свою смерть так трагично, не протестовала бы так яростно против смерти. Значит, что-то тут не так, что-то не так! Вот почему я говорю: он бросил вызов богу! И вызов справедливый!

— Пожалуй! — сказал Аллан.— Пожалуй, вы правы. Вот только что из всего этого получится?..

3

Аллан посмотрел на часы.

— Сейчас подойдет их ракета. Пойдемте, Виктор, посмотрим.

Мы прошли в галерею. Оттуда хорошо было видно, как к причальной мачте, обозначенной своим светящимся остовом, медленно подплывала по воздуху тоже светящаяся сигарообразная полоска. Ракета шла сейчас в режиме воздухоплавания, на раскинутых тормозных крыльях, но их не было видно, они лишь угадывались по тому, как ракета мягкими толчками опускалась, приближаясь к вершине мачты. Вот еще один толчок — и она застыла в неподвижности — легла на мачтовую площадку.

— Красиво, не правда ли? — сказал Аллан приглушенно.— Уж сколько и куда ни приходилось отправляться на ракетах, а вот этот момент всегда волнует. Наверно, в этом сказывается одно из самых древних и глубинных свойств человека: ждать встречи и грустить при расставании.

...Какие они были разные! Собранная, стройная, словно выточенная из цельного куска мрамора Юна, с холодновато-прекрасным лицом античной статуи, и вся порывистая, чуткая, худенькая Лина, с лицом, которое не назовешь уж очень красивым, но удивительно живым, переменчивым, излучающим какое-то внутреннее сияние. Сейчас оно было исполнено страдания, но и это не пор-

тило его, а делало, если можно так сказать, еще более человеческим и в этой человечности прекрасным.

По дороге Лина, видно, сдерживалась. А тут, увидев Аллана, сразу потеряла выдержку, кинулась к нему, прижалась головой к его плечу.

— Аллан,— говорила она сквозь слезы,— Аллан, это ведь неправда, да? Этого ведь не может быть, чтобы он умер?! Он не мог умереть, Аллан! Он обещал мне, что никогда не умрет! Он много раз говорил мне, что никогда не умрет...

Мы переглянулись.

— Она все время твердит это...— сказала Юна.— Она не верит, что... Она все время ждет его, говорит, что он придет.

— Он знал, что я не могу жить без него, так уж получилось, мы росли вместе, жили по соседству, он был старше меня на пять лет, но я не отставала от него ни на шаг, со всеми своими вопросами и обидами бежала к нему, не к отцу, не к матери, а к нему — он всегда защищал меня и учил всему, что знал сам, все свободное время был со мной — мальчишки над ним потешались, дразнили нас женихом и невестой, а он никогда не обижался, только улыбался своей доброй улыбкой и говорил мне, чтобы я не расстраивалась. Когда ему исполнилось двенадцать, ему подарили воздушную лодку, он пошел ее пробовать, а я прибежала на берег, увидела, как он скользит над водой в своей лодке, и кинулась вплавь, чтобы догнать его, но сил не хватило, я стала тонуть... Я не кричала, звука ни одного не издала, только билась изо всех сил, захлебывалась, чувствовала, что теряю сознание, и последняя мысль моя была, я помню: он так и не узнает, что я плыла ему навстречу. А он почувствовал что-то, помчался к берегу, пролетел надо мной, увидел меня сверху, кинулся в воду и спас меня. С тех пор он никогда не оставлял меня одну, брал с собой во все свои путешествия, ничего не делал без меня, всегда все мне рассказывал, каждую минуту, каждую секунду я знала, где он, что с ним, я была ему всем — женой, матерью, другом, помощником. Вся моя жизнь была в нем, я не мыслила себя без него, и он всегда говорил, что не проживет и дня без меня, что мы, наверное, составлены из чего-то единого, и если один из нас умрет, то в тот же миг умрет и другой, поэтому, если когда-нибудь с ним что-то случится, и мне скажут, что его нет в живых, чтобы я не верила, он все равно придет,

он не может уйти без меня... А я живу, Аллан, я не умираю, значит, и он жив, он не мог умереть, правда ведь, Аллан?!

Аллан держал ее худенькие плечи в своих руках, прижимал к себе, гладил по голове, как маленькую, и я впервые увидел в его глазах слезы.

Он привел ее в свой кабинет, усадил на тахту, сам сел рядом, а с другой стороны села Юна, и так вот, обняв Лину с двух сторон они немного ее успокоили. Видно, выплеснув все, что накопилось в душе за эти дни, она обессилела, затихла, только вздрагивала время от времени, прижавшись лицом к груди Юны.

Аллан спросил меня глазами. Я кивнул. По-моему, это надо было сделать.

— Лина,— сказал он,— Валентин не обманул тебя. Он вернется.

Она подняла голову, глаза ее умоляюще смотрели на Аллана.

— Значит, он не умер?! Значит, это правда,— он не умер?!

— Я не знаю, как это тебе объяснить. Считай, что он в длительном космическом полете, считай, что он далеко, и когда он сумеет вернуться — неизвестно. Если ты обещаешь, что ни одним звуком, ни одним жестом не обмолвишься о смерти, ты сможешь видеть его, разговаривать с ним вот здесь, у этого экрана.

Она растерянно смотрела на нас.

— Я... Я не понимаю.

— Ты хочешь его видеть? Живого, такого, как всегда. И разговаривать с ним?

— Да! Да! Да! Это можно сейчас?

— Можно... Но только... Помнишь, что ты мне обещала?

— Я постараюсь, Аллан. Я сделаю все, что нужно, я...— она подавилась слезами.

— Пойди умойся. Приведи себя в порядок. Чтобы следов твоих слез не было. Чтобы ты была такая, как всегда. Он же разговаривал с тобой из космоса?

— Да. Всегда.

— Считай, что так и будет.

Она все еще недоверчиво смотрела на нас, потом сорвалась с места, выбежала и вернулась буквально через минуту. И я поразился тому, что может сделать с собой женщина за какие-то несколько мгновений. У нее было другое лицо — полное ожидания и надежды.

— Помни, что ты обещала! Это очень важно.

Она не ответила. Она не сводила глаз с экрана.

Аллан включил ящик. Экран засветился, и мы увидели Валентина. Но, странное дело, он не сидел в кресле, где мы оставили его в прошлый раз. Он стоял у панели и что-то делал. Когда включился экран, он обернулся, увидел нас, потом ее, и по лицу его прошла су-дорога.

— Лин...— голос его сорвался. Он хотел сказать что-то еще, но не смог. Он сделал шаг к экрану, протянул руки. Она бросилась к стене, прижалась к ней, стала гладить ее ладонями.

— Ты живой! — говорила она. — Я знала, что ты живой! Раз я живу, значит, и ты живой! Господи, какое счастье, что я тебя вижу! Я знаю, ты очень далеко, ты в космосе, но это ничего, главное, что ты жив, а значит, вернешься, пусть не скоро, пусть когда-нибудь, но вернешься!

Слезы безостановочно текли по ее лицу. Она прижалась мокрой щекой к экрану, и Валентин там, по ту сторону, провел ладонью по ее щеке.

— Не плачь,— сказал он,— не надо плакать. Ты же видишь — все в порядке.

Я видел, ему трудно держать себя в руках, еще секунда — и он сорвется.

Я дал знак Аллану.

— Валентин,— сказал он,— сеанс связи сегодня короткий, сейчас она оборвется. Ты хочешь что-то сказать?

Он кивнул головой и через силу улыбнулся.

— Поцелуй ребят,— сказал он.— В следующий раз приведи их. И не волнуйся. Все будет хорошо. Слышишь — хорошо! Я ведь никогда не обманывал тебя, верно?

Она стояла, как распятая мадонна, у экрана, прижавшись к нему всем телом, раскинув руки.

Аллан нажал кнопку.

4

Мы проводили Лину, вернулись обратно. Всю дорогу Аллан был мрачен, почти не разговаривал. Только когда вошли в галерею, он сказал:

— Вы заметили — он стоял у панели.

— Да, я тоже удивился.

— А ведь в прошлый раз мы оставили его в кресле, не так ли?

— Да... Может быть, вы тогда забыли отключить питание ящика, только выключили экран?

— Я выключил ящик, я это хорошо помню. Экран выключается кнопкой, а питание ящика — вилкой. Я отключил ее от сети.

Мы вошли в комнату, Аллан подошел к пульту, мрачно осмотрел вилку. Не включая ее в сеть, нажал кнопку. Экран был темен, но мы слышали какой-то слабый шелестящий звук: как будто листы бумаги переворачивали. Аллан вставил вилку, экран вспыхнул, и мы увидели Валентина. Он стоял возле письменного стола и решительно листал какую-то книгу.

— Валентин,— сказал Аллан,— в прошлый раз мы оставили тебя в кресле, а потом ты оказался у рычага. Что это значит? У ящика есть собственное питание?

— Да, Аллан, есть. Я не хотел говорить вам об этом... Оно слишком слабое, чтобы я мог общаться с вами, но достаточное, чтобы я мог думать и работать. Когда вы отключаете ящик, я остаюсь в полном одиночестве, но продолжаю думать. В прошлый раз мне вдруг сделалось очень тяжело. Я представил себе синее-пресинее весеннее небо, белые плывущие облака, зеленую траву, представил себе жизнь с ее воздухом, светом, пространством и людьми, и мне так тоскливо стало от сознания, что я обречен на долгое, может быть, вечное одиночество, что я решил нажать рычаг.

Я уже подошел к панели — и в это время вы включили экран, я увидел Лину. Вы хорошо сделали, что привели ее. И хорошо, что не сказали ей всего, пусть она думает, что я в космосе. Она действительно умрет, если узнает, что меня нет совсем. Собственно, ради нее я придумал эту штуку с ящиком. Знал: всякое может случиться. Теперь, когда увидел ее, понял: я не напрасно сделал это. Для нее я живой — это главное. Но постараюсь быть живым не только для нее. Буду работать круглые сутки, совершу невозможное... Перевезите завтра ящик в Институт, пусть поставят его в лаборатории, пусть соберутся все, кто может и хочет поспорить с богом, общими силами мы его одолеем!..

Мы сидели в библиотеке Аллана — небольшом круглом зале.

Был дождливый зимний вечер, за горизонтально вытянутым, изогнутым окном, напоминавшим лобовое стекло космического корабля, расплывчато светились сигнальные огни порта. Включенные на полную мощность, они пробивали завесу тумана, разноцветными лучами прошупывали тяжелую свинцовую гладь воды, плотное облачное небо. Они словно подбадривали идущие в тумане корабли и ракеты, словно приветствовали их, давая знать о близости порта, хотя вели их в тумане совсем другие лучи — невидимые, электронные.

Я подумал о том, что все это не больше, чем иллюминация, что если бы вдруг почему-то погасли все эти мощные прожектора, — морские и воздушные корабли все равно шли бы заданным курсом, все равно причалили бы в точно назначенном месте и в точно назначенный срок. Но людям, как видно, этого мало. Им надо видеть живой переменчивый свет, собственными глазами чувствовать его цветное тепло...

— А знаете, Виктор, я иногда завидую людям двадцатого века.

В недоумении я обернулся к Аллану. Он сидел в кресле, откинув голову назад, фокусируя свои биноккулярные очки. Он только что просмотрел очередной выпуск «Рассказов Аллана», записанных мной и вышедших в свет миллионным тиражом. Я привез ему сигнальный экземпляр кассеты и, как всегда волнуясь, ждал, что он скажет. И, как всегда, он сказал нечто неожиданное.

Он снял очки, извлек маленькую, с пятак величиной, кассету, подержал ее на ладони, подбросил, словно взвешивая, повертел в пальцах.

— Люди прошлых веков могли позволить себе роскошь создавать большие книги — весомые, ощутимые, — в голосе его я услышал неподдельное сожаление. — Они могли листать их, рассматривать, они сживались с ними, как с живыми существами, — я говорю, конечно, о настоящих книгах... — Он глянул на меня и, видно, почувствовав мое смущение, тут же поправился: — Я не хочу сказать ничего плохого о вашей работе, Виктор. Вы записали все очень ярко, интересно, я бы так никогда не смог,